

М.К. Аकोшева*Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина
Астана, Казахстан* <https://orcid.org/0000-0001-8393-309X>
*e-mail: akmar2809@mail.ru***А.П. Шахарман***Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова
Павлодар, Казахстан* <https://orcid.org/0000-0002-3649-2735>
e-mail: ashakharman75@mail.ru

«ИЗБЫТОЧНОСТЬ» СЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛОГИИ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается роль избыточных семантических элементов в речевом взаимодействии коммуникантов. Понятие избыточности семантических элементов рассматривается лингвистами с разных позиций. Язык обладает избыточностью, так как он не может существовать лишь при наличии идеальных внешних условий. Избыточность связана с процессом понимания. Речевое высказывание может оказывать воздействие не только на адресата речи, но и на окружающую языковую среду. В этом случае речь может идти об экологии текстовой информации в деятельностном ключе. В результате данного исследования делается вывод о том, что роль избыточных речевых сообщений противоречива: они могут вызвать «загрязнения» в речевом пространстве, но могут и расширять семантическое поле всей коммуникации, так как являются неотъемлемой частью любого естественного языка. Категория речевой избыточности служит для обозначения содержания типов и видов коммуникативного взаимодействия, заключается в вариативных / невариативных структурно-смысловых повторах, внутренне обогащающих коммуникативно-прагматическое поле. Материалом для исследования послужили речевые высказывания из художественных произведений и разговорной речи. Применяются метод контекстной инференции, интерпретативный подход к анализу речи.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, избыточность, экология текста, диалог, интерпретация.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления статьи: 25.09.2024

Дата приема в печать: 20.11.2024

Введение

В настоящее время в лингвистике переосмысливается характерная для языка функция воздействия, которая может пониматься не только как инструмент влияния на мысли, чувства адресатов речи, но и как инструмент воздействия на окружающий мир, это вызвано тем, что «язык сопутствует и управляет деятельностью человека не только в обществе, но и в природной среде» (Шляхов, Никонов, 2011, с. 139). Иными словами, речь, речевое высказывание могут наносить вред не только человеку, но и окружающей языковой среде. Здесь под языковой средой, которая окружает человека, мы понимаем всю коммуникативную среду, весь ход речевой коммуникации. Экология текста может быть осмыслена в деятельностном ключе в качестве экологии речевого поступка, если «вербальную коммуникацию понимать прежде всего как взаимодействие, которое осуществляется поступками-высказываниями» (Салимовский, 2012, с. 50). «The interaction of a human with outside the world, its knowledge takes place at different levels, including everyday life. The results of this knowledge are laid down in his / her everyday consciousness» (Temirgazina, et al., 2020, p. 3) [Взаимодействие человека с окружающим миром, его познание происходят на разных уровнях, в том числе и в повседневной жизни. Результаты этих знаний закрепляются в его повседневном сознании. – Перевод наш. М.А., А.Ш.]. Так называемые «загрязнения» в речевом пространстве могут быть обусловлены избыточностью речевых сообщений – одного из существенных признаков, отличающих структуру содержания от структуры смысла. Однако так называемая «избыточность» может быть не излишней, а способной внутренне расширить поле коммуникации. Собственно термин «категория речевой избыточности» понимается нами как обусловленный коммуникативными, социопсихолингвистическими факторами коммуникативный феномен, который заключается в излишнем использовании языковых средств передачи мысли, а также дублировании формы, смысла или их фрагментов и сочетаний.

Материалы и методы

Материалом данного исследования послужили примеры из художественных произведений русских писателей (Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого), а также примеры из разговорной речи. Выявлено более 50 примеров, содержащих семантическую избыточность. В работе приведены наиболее репрезентативные диалоги. Выбор диалогического материала связан с тем, что именно диалогические отношения лежат в основе построения любой речи и предполагают реакцию адресата в форме вербального или невербального поведения. При этом отношения участников речевого взаимодействия регулируются общепринятыми негласными правилами, предполагающими наличие у каждого собеседника двух тесно связанных установок: стремления к достижению эффективной коммуникации и стремления к достижению личного успеха.

В исследовании применяются метод контекстной инференции, который способствует извлечению имплицитных смыслов в процессе интерпретации речевого поведения. Кроме этого, мы используем интерпретативный подход к анализу речевых высказываний коммуникантов. Сущность интерпретативного метода раскрывает Б. Мальмберг: «Интерпретация – это угадывание, успех которого есть вопрос вероятности» (Malmberg, 2007, p. 18). Как мы знаем, для интерпретативных теорий предметом исследования являются в основном межличностные взаимодействия, которые создаются и контролируются акторами.

Межличностные взаимодействия в силу того, что внешне наблюдаемы, служат результативным инструментом для их исследования.

При анализе мы исходим из того, что текст – это высказывание или последовательность высказываний, в нем выражается относительно законченный смысл, интегрирующий все многообразие его значений. Благодаря наличию значения текст характеризуется как системный объект, в котором функции его упорядочены для формирования значения. В составе текста все языковые единицы становятся его семантическими элементами. При этом текст характеризуется не только наличием связей и отношений между такими элементами, но и взаимодействием его семантики с семантикой, которая находится вне представленного сообщения.

Результаты и обсуждение

В структуру смысла включаются только элементы информационно-значимого текстового содержания, то, что вносит что-то новое в информацию, предоставленную для коммуниканта и полученную адресатом. Избыточные смысловые элементы играют важную роль в содержании текста, а «обязательно ли избыточность грамматических значений имеет значение для смысла данного высказывания, отражается в каждом акте использования этой формы» (Бондарко, 2001, с. 13).

Понятие избыточности рассматривается лингвистами с разных позиций. Избыточность не должна пониматься как что-то лишнее, как то, без чего можно обойтись. Если язык не обладал бы избыточностью, он мог бы существовать только при наличии идеальных внешних условий. В высшей степени релевантным избыточность для коммуникативного процесса считает Б. Мальмберг: «...избыточность относится к области статистики, а следовательно, предсказуемости» (Malmberg, 2007, p. 113). Здесь надо отметить, что лингвист через посредство предсказуемости связывает избыточность с процессом понимания: «Степень понимания в значительной мере согласуется со степенью предсказуемости элементов, входящих в коммуникацию» (Malmberg, 2007, p. 18). На наш взгляд, здесь будет уместным вспомнить о категории «личностного смысла», введенного в научный оборот А.Н. Леонтьевым: «Личностные смыслы отражают мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями, и выражают именно его (субъекта) отношения к осознаваемым объективным явлениям» (Леонтьев, 1981, с. 72). По словам исследователя, личностный смысл характеризует уникальную субъективность данного индивида. Мы бы добавили, индивида речи, участника речевого поведения.

Г. Глисон, связывая избыточность с ограничениями в языке, пишет, что эта категория рассматривается как код из-за избытка языка, «без этих ограничений и, следовательно, без избыточности, язык не может работать» (Глисон, 2002, с. 124). Исследователь В.А. Звегинцев, анализируя признаки избыточности речи, отмечает, что «они учитывают все, кроме особенностей языка, характера речевого поведения и характера человеческого понимания. Другими словами, принцип превосходства полностью механически связан с областью изучения естественного языка, и никаких корректировок для проявления специфики языка не вносится» (Звегинцев, 2007, с. 251). Важно помнить, что понятие прагматического резервирования исходит из исследований психологов-практиков, где оно используется как полноценная категория, описывающая поведение, в то время как «все поведение, а не только речь,

является общением, и все общение, даже коммуникационные ключи в безличном контексте, влияют на поведение» (Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000, с.7).

Нам глубоко импонирует определение избыточности как повторов, «внутренне расширяющих поле коммуникации», данное исследователем Г.М. Сучковой: «Прагматическая избыточность – это категория, предназначенная для обозначения содержания видов и видов коммуникативного взаимодействия, состоящая из структурно-семантических повторов (вариативных / невариативных), внутренне расширяющих поле коммуникации. Внутреннее расширение информационного компонента происходит за счет семантических возможностей текста, реализуемых контактирующими сторонами в процессе взаимодействия» (Сучкова, 2000, с. 48). Коммуникационные процессы являются живым источником примеров прагматических избыточных форм. Как далее пишет исследователь, диалогическая речь подвергается анализу, «диалог включает вербальные / невербальные параметры, авторский текст (публицистический, литературно-художественный, информационный), а включение в предмет исследования различных форм представления знаний позволяет осуществить прагматическое резервирование» (Сучкова, 2000, с. 49).

Рассмотрим пример, позволяющий убедиться, что текст диалога может характеризоваться не только наличием связей и отношений между элементами, но и взаимодействием его семантики с семантикой, которая находится вне представленного сообщения. Пример показывает, насколько избыточным может оказаться диалог: *Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю. Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво. Прошло с минуту; ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась. Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, .. смотри она так, не говоря ни слова еще с пол минуты, то он бы убежал от нее.*

– Да что вы так смотрите, точно не узнали? – проговорил он вдруг тоже со злобой. – Хотите берите, а нет – я к другим пойду, мне некогда.

Он и не думал это сказать, а так, само вдруг выговорилось. Старуха опомнилась, и решительный тон гостя ее, видимо, ободрил (Достоевский, 2019, с. 183).

Выше мы приводили мнение Б. Мальмберга о взаимосвязанности степени понимания и степени предсказуемости элементов, входящих в коммуникацию. В нашем примере невербальные параметры / элементы диалога, такие, как: отношение, характер отношения (внимательный, жестокий и недоверчивый взгляд), чувство страха, насмешки, предсказания, позволяют «уменьшить» дальнейший диалог (только невербальный). Раскольников принимает решение говорить, все предыдущие речевые действия коммуниканта/адресата приводят его к утверждению, которое позволяет ему прекратить дальнейшие действия. Слова Раскольникова остановили старуху: она «опомнилась». Собственная решимость подбадривала его, это видно из слов: «Хотите берите, а нет – я к другим пойду, мне некогда». Это высказывание было своего рода преуменьшением молчаливого разговора. Как видим, прагматическое резервирование – это потенциальная возможность задействовать все мыслимые элементы концепции или идеи. Предпочтение проявляется структурно-семантическими (вариативными/невариативными) типами репликации. Надо добавить, что прагматическая избыточность как повторения не представляет собой простой тавтологии / лишних форм. Часто прагматическая

избыточность отвечает тем параметрам, которые выделяются как характеризующие признаки прагматической информации: периферийность средств ее выражения (по сравнению со средствами семантической информации), ее распределенность между различными языковыми средствами, то есть нелокализуемость в какой-то одной единице языка, ее неразрывная связь с семантической информацией.

Часть исследователей разделяет предпочтения на положительные и отрицательные (Бондарко, 2001; Сусов, 2000; Сучкова, 2000). По мнению указанных исследователей, положительное предпочтение приводит к увеличению содержательной формы, отрицательное – к семантическому тупику, что побуждает к достижению смысла иначе, чем раньше. Чем больше непонятого в речевом поведении, тем больше нужно будет привлекать новую информацию, чтобы прояснить ситуацию. Этот вопрос также важен для нас, потому что он связывает проблему избыточности речи с проблемой адекватной/неадекватной интерпретации, и, если более широко, с проблемой экологически чистого/экологически нечистого речевого взаимодействия.

– Я сказал, уходя, что, может быть, прощаюсь с тобой навсегда, но что если приду сегодня, то скажу тебе кто убил Лизавету.

– Ну, так вот я и пришел сказать.

– Так вы это в самом деле вчера... – с трудом прошептала она, – почему же вы знаете? – быстро спросила она...

Соня начала дышать с трудом. ...

– Знаю....

– Нашли, что ли, его? – робко спросила она.

– Нет, не нашли.

– Так как же вы про это знаете? – ...чуть слышно спросила она....

– Угадай, - проговорил он с прежнею искривленною ...улыбкой.

– Да вы... меня... что же вы меня так.... пугаете? – проговорила она....

– ... Так не можешь угадать-то? ...

– Н-нет, – чуть слышно прошептала Соня.

– Погляди-ка хорошенько....

– Угадала? – прошептал он наконец.

– Господи! – вырвался ужасный вопль из ее груди (Достоевский, 2019, с. 267).

Здесь вторичная концептуализация опирается на результаты ее предыдущих этапов и ориентирована на конкретный когнитивный опыт (Акошева, et al., 2022, с. 144). Чтобы сказать Соне о своем преступлении, Раскольников привлекает все больше и больше информации, в том числе вербальной: напоминает о том, что он говорил перед уходом в предыдущий день, повторяет слово «угадай» (*угадай, не можешь угадать-то, угадала*), а также невербальной: *бледно и бессильно улыбнулся, проговорил с искривленною и бессильной улыбкой, неотступно смотрел в лицо, прошептал наконец*.

В контексте все упомянутые, а также неназванные положительные и отрицательные аспекты избыточности связаны с понятием обратной связи, образом речевого адресата, восприятием человека. В речевой ситуации Соня не хотела верить, не признавалась самой себе, что верит. Это подтверждается поведением адресанта: *он ждал беспокойства, внезапно задрожал всем телом, еле шептал, быстро спросил, с трудом начал дышать, его лицо стало бледным, робко спросил*,

точно судороги бегали по его телу, говорил с улыбкой, говорил чуть слышно, из его груди доносился страшный крик. Градация чувств от ожиданий беспокойства до ужасных криков показывает, как постепенно сбывается ожидаемая реакция. Важную роль играют лингвистические средства связи: незавершенность фразы («Так ты действительно вчера...»), неполное отрицание, выраженное удвоением «н» («Н-нет»). Анализ приводит нас к выводу, что в данном случае речь – это сбывшееся «предсказание» и, следовательно, избыточность речи здесь обоснована.

Говоря об избыточности как признаке, отличающем структуру содержания от структуры смысла, А.В. Бондарко также отмечает, что сокращение текста возможно при сохранении его смысла. Подчеркнем, что сокращение, конденсация текста предполагают и сокращение языкового содержания текста. С другой стороны, текст может распространяться при сохранении смысла (Бондарко, 2001). Вот яркий тому пример:

- *Как хорошо смеется Туровцын! – сказал Левин...*
- *Вы давно его знаете?*
- *Кто его не знает!*
- *И я вижу, что вы думаете, что он дурной человек?*
- *Не дурной, а ничтожный.*
- *И неправда! И поскорей не думайте больше так! ... Сердце у него золотое.... у*

Долли дети все были в скарлатине... ему так жалко стало ее, что он остался и стал помогать ей ходить за детьми...

Левин еще раз взглянул на Туровцына и удивился, как он прежде не понимал всей прелести этого человека.

- *Виноват, виноват, и никогда не буду больше дурно думать о людях!*
- *весело сказал он, искренно высказывая то, что он теперь чувствовал* (Толстой, 2011, с. 432).

Содержание сообщения о том, что у Туровцына золотое сердце, переработано и переосмыслено Левиным. На «перестройку» речевого поведения коммуниканта Левина влияет чувство любви к Кити. Для него в данный момент важны только чувства и ощущения, мир воспринимается им как чистый, ставший таким понятным теперь. Его высказывания *Виноват, виноват, и никогда не буду больше дурно думать о людях* как бы прерывают дальнейшие объяснения Кити, тем самым языковое содержание текста как бы сокращается. Но смысл сохраняется. Вся речевая ситуация, поведение коммуникантов вносят особые коррективы в ответ Левина. Вне ситуации речевое взаимодействие могло закончиться, например, фразой «не плохой, а лишь незначительно плохой».

Другими словами, на этом примере общения мы видим, что существует не только интерпретация сообщения, полученного во время взаимодействия между людьми, но и бессознательная попытка понять все речевое поведение человека. В приведенном примере, благодаря «сопутствующим» чувствам коммуникантов, происходит как бы «предсказание» ответа, тем самым уменьшается сама речь, ее «избыточность», при этом ее смысл сохраняется.

Важным в анализе межличностного общения являются особенности интерпретации и понимания вербального и невербального сообщения. Такое взаимодействие ориентировано на личность, так как предполагается, что каждый из его участников признает незаменимость, уникальность своего партнера,

учитывает особенности его эмоционального состояния, самооценки, личностных особенностей. Во-вторых, взаимодействие коммуникантов – речь одного и речь другого – не только индивидуально ориентировано, но и индивидуально окрашено: проецируется на мировоззрение, чувства, определенные точки зрения, индивидуальный жизненный опыт каждого из говорящих (Рахимжанов и др., 2020, с. 264). Соответственно, каждое утверждение субъективно важно как для адресата, так и для адресанта речевого взаимодействия.

Смысл речевого высказывания двойствен. Одним концом он обращен к говорящему, другим концом – к адресату. Также смысл весьма противоречив: говорящий может подразумевать один смысл, а адресат – другой. Чтобы подготовиться к пониманию смысла, адресат, так же, как и говорящий, анализирует будущую, еще не состоявшуюся речевую ситуацию, предполагает, какие действия он предпримет, что, как, когда и как скажет, скажет ли вообще:

– *Что вы со мною делаете? .. Божже мой!*

...Все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова – из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения...

– *Вы молчите? – продолжала она, – вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?...*

Я молчал...

– *Хотите ли этого? – продолжала она, быстро обратясь ко мне...*

– *Зачем? – отвечал я, пожав плечами (Лермонтов, 2022, с. 154).*

Адресат знал, в какую речевую ситуацию он попадет, что именно скажет княжна, что он предложит ей в качестве ответа. И из любопытства – узнать, как она выпутается из положения – дает себе установку использовать ответом молчание. У адресата первоначально рождается план «обратной связи», затем он слышит речь адресанта, содержание которой ему понятно, дает свою оценку услышанному: подобные слова он предполагал, потом реагирует сначала невербально – молчанием, затем выражает реакцию вербально и невербально одновременно – словесным вопросом и жестом (пожав плечами). Такой известный жест, как пожимание плечами, вкупе с вопросом-предложением «зачем?» интерпретируется здесь как выражение сомнения, а если глубже заглянуть в существо вопроса – как отказ от чувств. Адресат не просто произносит слово «зачем», он актуализирует его в конкретное время в конкретных обстоятельствах, иными словами, он использует прежний контекст для интерпретации своих высказываний, направляя процесс логического вывода, к которому должен прибегнуть адресат. В нашем контексте логический вывод мы находим в поведении адресата: *Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге... До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость.* Окончателен ли данный логический вывод? Проследим за дальнейшим процессом интерпретации речи в данном контексте: *...Я вас обвиняла, может быть, напрасно?* Мы убеждаемся в том, что «передача» речей говорящим еще не предрешает с однозначностью принятие сказанного адресатом. В примере адресат (а здесь уже и адресант) пытается понять речевое поведение адресанта, невольно оценивает и свое речевое поведение: *я ...обвиняла напрасно.*

Избыточность речи княжны предreshена планом героя. Схематично данное речевое взаимодействие можно выразить так: установка использовать ответом молчание/ план «обратной связи» – речь адресанта – оценка услышанного говорящим – невербальная реакция/ молчание – вербальная (зачем?) и невербальная (жест пожимания плечами) реакции одновременно = 1) выражение сомнения/ отказ говорящего от чувств; 2) оценка собственного речевого поведения адресатом (княжной).

Каждое речевое поведение уникально. Возможная избыточность речи может и «остановлена», прервана, например:

– *Меня, знаешь, сократили. Чтобы уволить – отделаться от этого пенсионера – сократили весь отдел. Ты, наверно, его не знаешь... Всю писанину за него делала я. Да он...*

– *Я знаю этого человека как хорошего работника. Находясь на заслуженном отдыхе, т.е. на пенсии, он продолжал работать...*

– *Да?*

– *Да. Так что, может быть, не поэтому сократили Вас?*

– *Не знаю... (разг.).*

Как видим, словами «*знаю этого человека как хорошего работника*» адресат прерывает избыточную речь говорящего, тем самым выражая несогласие с оценкой говорящего. А выбор подчеркнуто нейтральной формы выражения своего отношения к собеседнику, в отличие от разговорной формы говорящего (*отделаться, этого пенсионера, всю писанину*), переход в обращении от «ты» к «Вы» только ускоряют конец общения, не дают место избыточности речи.

Как известно, межличностное речевое поведение индивидов отличается от их поведения вне условий взаимодействия. Основной единицей анализа теории межличностного общения является взаимодействие людей, попавших в речевую ситуацию. Каждый из его участников влияет на коммуникативное поведение другого, между их утверждениями/ действиями возникают причинно-следственные зависимости. Обращаясь к сообщению говорящих, каждый из них как бы привязывает его к конкретной ситуации общения, после чего содержание полученной информации обрабатывается, перестраивается в связи с возникающими в процессе речевого взаимодействия оценками себя, друг друга, всей ситуации коммуникации. Все элементы речи отражают черты говорящего, время и пространство общения. По мнению И.П. Сусова, при реализации коммуникативного акта говорящий создает вокруг себя некое «коммуникативно-прагматическое пространство», которое включает в себя самого говорящего и его адресата, предмет данного высказывания, время и место коммуникативного акта. Кроме того, важна также ситуация, в которой происходит этот коммуникативный акт (Сусов, 2006, с. 211). В результате говорящие приходят к пониманию/ непониманию речевого поведения – к созданию смысла, см. рис. ниже:

Рис. Процесс создания смысла

Мы согласны с исследователем Б. М. Гаспаровым, который утверждает, что «создание смысла языкового сообщения – это уникальный момент слияния объективной языковой материи, сотканной как единый артефакт, и мысли говорящего субъекта, этот момент закрепляется в его языковой памяти, с его бесконечной подвижностью и идиосинкретичностью. Чтобы приблизиться к значению языкового сообщения, «необходимо научиться справляться с открытым, бесконечным потоком потенциальных семантических компонентов в нем, при этом не теряя текстовой целостности и герметичности этого сообщения как факта, что была создана языковая деятельность» (Гаспаров, 1996, с. 344).

При восприятии речи, попытке понять ее мы интуитивно мобилизуем все доступные нам ресурсы извлечения смысла, в результате чего все эти всевозможные компоненты, в том числе, и избыточность, содействующие пониманию, не всегда ее уменьшают, а могут и наращивать смысловую ткань речи, увеличивать «ощущение смысла» речевого поведения в целостности.

Заключение

Таким образом, процесс речи сложен и уникален, практически незаметен, очень сложен для описания. Точнее, следует говорить о скрытом периоде высказывания на пути к выражению смысла. Речь может нанести вред не только адресату, но и окружающей коммуникативной среде. Экология текста может активно интерпретироваться как экология речевой деятельности, если вербальное общение воспринимается, прежде всего, как взаимодействие, осуществляемое через действия в форме высказывания. «Загрязнение» речевого пространства не всегда связано с избытком речевых сообщений. Часто резервирование является неотъемлемой частью естественного языка, способствует пониманию речи, значительно расширяет коммуникативно-прагматическое пространство и поле общения.

Благодарность

Исследование выполнено благодаря грантовому финансированию Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта

AP19677795 «Лингвоэкология как отражение этнокультурной ментальности жителей Северного Казахстана (Акмолинская, Костанайская, Павлодарская области)».

Список использованной литературы

- Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. Москва, 2001. С. 4–13.
- Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. / Пер. с англ. А. Суворовой. Москва: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. 320 с.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Москва: Прогресс, 2002. 362 с.
- Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. Изд. 2-е. Москва: ЛКИ, 2007. 336 с.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Москва: МГУ, 1981. 584 с.
- Рахимжанов К.Х., Аकोшева М.К., Темиргазина З.К. Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // New Research of Tuva. 2020, № 4. С. 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>
- Салимовский В.А. Культура речи и речевая антикультура // Речеведение: общие вопросы, массовая коммуникация. Электронный сборник статей за 2010–2012 гг. Санкт-Петербург, 2012. С. 35–63.
- Сусов И.П. Введение в языкознание. Москва: Восток – Запад, 2006. 382 с.
- Сучкова Г. М. Прагматическая избыточность в межличностной коммуникации. Санкт-Петербург, 2000. 260 с.
- Шляхов В.И., Никонов А.Л. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // Пространство и время. 2011. № 4. С. 138–144.
- Akosheva, M., Rakhimzhanov, K., & Temirgazina, Z. (2022). С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке. *Slavia Centralis*, 15(1), 138–154. <https://doi.org/10.18690/scn.15.1.138-154.2022>
- Malmberg, B. (1963). The Functions of Language. In: *Structural Linguistics and Human Communication. Kommunikation und Kybernetik in Einzeldarstellungen*, 2. Berlin, Heidelberg: Springer, 159–164. https://doi.org/10.1007/978-3-662-13066-7_10
- Temirgazina, Z., Nikolaenko, S., Akosheva, M., Luczyk, M., & Khamitov, G. (2020). Naive anatomy in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 13(2), 3–16. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.02.01>
- Temirgazina, Z., Tokatova, L., & Orynkhanova, G. (2023). Там – здесь, далеко – близко, высоко – низко: пространственно-визуальное моделирование двоемирия в «Стихах о Прекрасной Даме» А. Блока. *Scando-Slavica*, 69 (2), 302–321. <https://doi.org/10.1080/00806765.2023.2280975>

Источники

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Москва: Издательство «АСТ», 2019. 672 с.
 Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Москва: Издательство «Умка», 2022. 192 с.
 Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман. Москва: Эксмо, 2011. 962 с.

References

- Akosheva, M., Rakhimzhanov, K., & Temirgazina, Z. (2022). S kem my sravnivayem urodlivyykh lyudey? Etalony urodstva v russkom yazyke [Who do we compare ugly people with? Standards of ugliness in the Russian language]. *Slavia Centralis*, 15(1), 138–154. <https://doi.org/10.18690/scn.15.1.138-154.2022> (in Russ.).
- Bondarko, A.V. (2001). Lingvistika teksta v sisteme funktsional'noy grammatiki [Text linguistics in the system of functional grammar]. In: *Tekst. Struktura i semantika. T. 1*. Moskva, 4–13 (in Russ.).
- Gasparov, B.M. (1996). *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (in Russ.).
- Glison, G. (2002). *Vvedeniye v deskriptivnyuyu lingvistiku* [Introduction to descriptive linguistics]. Moskva: Progress. (in Russ.).
- Leont'yev, A.N. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of mental development]. Moskva: MGU. (in Russ.).
- Malmberg, B. (1963). The Functions of Language. In: *Structural Linguistics and Human Communication. Kommunikation und Kybernetik in Einzeldarstellungen, 2*. Berlin, Heidelberg, Springer, 159–164. https://doi.org/10.1007/978-3-662-13066-7_10
- Rakhimzhanov, K., Akosheva, M., & Temirgazina, Z. (2020). Metaforicheskometonimicheskaya interpretatsiya serdtsa v kazakhskom i tuvinskom yazykakh: vzaimodeystviye yazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and metonymic interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: the interaction of language, anatomy and culture]. *New Research of Tuva*, 4, 261–271. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18> (in Russ.).
- Salimovskiy, V.A. (2012). Kul'tura rechi i rechevaya antikul'tura [Culture of speech and speech anti-culture]. In: *Rechevedeniye: obshchiye voprosy, massovaya kommunikatsiya. Elektronnyy sbornik statey za 2010–2012 gg.* Sankt-Peterburg, 35–63 (in Russ.).
- Susov, I.P. (2006). *Vvedeniye v yazykoznaniye* [Introduction to Linguistics]. Moskva: Vostok – Zapad. (in Russ.).
- Suchkova, G.M. (2000). *Pragmaticheskaya izbytochnost' v mezhlichnostnoy kommunikatsii* [Pragmatic redundancy in interpersonal communication]. Sankt-Peterburg. (in Russ.).
- Shlyakhov, V.I., & Nikonov, A.L. (2011). Ekolingvistika i problema ekologii yazyka v rossiyskom yazykovom prostranstve [Ecolinguistics and the problem of ecology of language in the Russian linguistic space]. *Prostranstvo i vremya*, 4, 138–144 (in Russ.).
- Temirgazina, Z., Nikolaenko, S., Akosheva, M., Luczyk, M., & Khamitov, G. (2020). Naive anatomy in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 13(2), 3–16. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.02.01>
- Temirgazina, Z., Tokatova, L., & Orynkhanova, G. (2023). Там – здесь, далеко – близко, высоко – низко: пространственно-визуальное моделирование двоемирия

- в «Стихах о Прекрасной Даме» А. Блока. *Scando-Slavica*, 69 (2), 302–321. <https://doi.org/10.1080/00806765.2023.2280975>
- Vatlavik, P., Bivin, D., & Dzhekson, D. (2000). *Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsiy: Izucheniye patternov, patologiy i paradoksov vzaimodeystviya* [The pragmatics of human communication: The study of patterns, pathologies and paradoxes of interaction]. Perevod s angl. A. Suvorovoy. Moskva: Aprel'-Press, Izd-vo EKSMO Press. (in Russ.).
- Zvegintsev, V.A. (2007). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Izdaniye 2-ye. Moskva: LKI. (in Russ.).

Sources

- Dostoyevskiy, F.M. (2019). *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Moskva: Izdatel'stvo «AST».
- Lermontov, M.Yu. (2022). *Geroy nashego vremeni* [A Hero of Our Time]. Moskva: Izdatel'stvo «Umka».
- Tolstoy, L.N. (2011). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Moskva: Eksmo.

М.Қ. Ақошева

*С. Сейфуллин ат. Қазақ агротехникалық зерттеу университеті
Астана, Қазақстан*

Ә.П. Шаһарман

*Торайғыров университет
Павлодар, Қазақстан*

СӨЙЛЕУ ЭКОЛОГИЯСЫ ТҰРҒЫСЫНАН СЕМАНТИКАЛЫҚ ЭЛЕМЕНТТЕРДІҢ «АСТАМШЫЛЫҒЫ»

Аңдатпа. Мақалада коммуниканттардың сөйлеу өзараәрекеттестігіндегі астамшыл семантикалық элементтердің рөлі қарастырылады. «Астамшылық» ұғымы туралы әртүрлі ғылыми көзқарастар бар деуге болады. Тілге астамшылық тән нәрсе, өйткені ол тек мінсіз сыртқы жағдайда ғана іске аса бермейді. Астамшылық түсіну үрдісімен тығыз байланысты. Қандай бір сөйленім тек қабылдаушы адресатқа ғана емес, сонымен қатар қоршаған тілдік ортаға да әсерін тигізе алады. Бұл жағдайда әрекеттену тұрғыдағы мәтін экологиясы туралы айтуға болады. Зерттеу нәтижесінде астамшыл сөйлеу элементтерінің рөлі қарама-қайшы болып келеді: олардың сөйлеу кеңістігінде «ластануды» тудыруы мүмкін, бірақ коммуникацияның семантикалық өрісін де кеңейте алады, өйткені кез келген табиғи тілдің ажырамас бөлігі болып келеді. Сөйлеу астамшылық категориясы коммуникативтік өзараәрекеттестігінің типтері мен түрлерін белгілеу үшін орын алады, вариативтік / вариативтік емес құрылымдық-мағыналық қайталаудан тұрады, бұл қайталаулар коммуникация-прагматикалық өрісін іштен көбейтуге мүмкіндік береді. Зерттеу материалы – көркем әдебиетінен, сондай-ақ, ауызекі сөйлеу тілінен алынған мысалдар. Зерттеу барысында мәнмәтін инференциясы, сөйлеуді талдауға қатысты интерпретативтік әдісі қолданылды.

Түйінді сөздер: сөйлеу өзараәрекеттестігі, астамшылық, мәтін экологиясы, диалог, интерпретациялау.

М.К. Akosheva

*S. Seifullin Kazakh AgroTechnical Research University,
Astana, Kazakhstan*

A.P. Shaharman

*Toraigyrov University
Pavlodar, Kazakhstan*

“REDUNDANCY” OF SEMANTIC ELEMENTS FROM THE POINT OF VIEW OF SPEECH ECOLOGY

Abstract. The article considers the role of redundant semantic elements in the speech interaction of communicators. The concept of redundancy of semantic elements is considered by linguists from different positions. Language has redundancy because it cannot exist only in the presence of ideal external conditions. Redundancy is connected to the process of understanding. A speech utterance can influence not only the addressee but also the surrounding linguistic environment. In this context, it is possible to discuss the ecology of textual information from an activity-based perspective. The study concludes that the role of redundant speech messages is contradictory: they can contribute to “pollution” in the speech space but can also expand the semantic field of the entire communication, as they are an integral part of any natural language. The category of speech redundancy is used to denote the content of types and forms of communicative interaction. It involves variative or non-variative structural-semantic repetitions that internally enrich the communicative-pragmatic field. The study is based on speech utterances from literary works and everyday conversation. The methods employed include contextual inference and an interpretative approach to speech analysis.

Keywords: speech interaction, redundancy, text ecology, dialogue, interpretation.

Вклад авторов

Акошева М.К. – концептуализация, методология, курирование данных, написание статьи, редактирование текста.

Шахарман А.П. – методология, написание – обзор и редактирование статьи, подбор примеров для анализа.